

ADAM G. MARTIN

[PHD thesis summary: The use of knowledge in comparative economics](#) // Erasmus Journal for Philosophy and Economics, Volume 2, Issue 1, Summer 2009, pp. 157-160.

Большую часть двадцатого столетия, компаративная экономика задавалась одним вопросом: капитализм или социализм? Этот вопрос мог принимать разные формы, как научные, так и нормативные, от черно-белого взгляда до рассмотрения тонких оттенков (например, «смешанная экономика»), но центральной темой всегда было планирование против рынка. В противоположность этому, «новая компаративная экономика» (например, Djankov и др. 2003) обращалась к различным под-дисциплинам, таким, как экономика права, теория общественного выбора и новая институциональная экономика. То, что делает эти сравнительные упражнения «экономическими», это их метод, а не объект.

Современная компаративная экономика, скорее, основана главным образом на проблемах экономического развития, не касаясь непосредственно создания богатства или производства и распределения товаров и услуг. Скорее, она использует рациональный выбор, как опору в разнообразных институциональных контекстах, чтобы осветить, каким образом разные институты порождают различную продуктивность. Соответственно, дебаты по поводу социализма или капитализма более не ограничивают компаративистскую дискуссию. Допустимы любые сравнения: демократия против диктатуры, обычное право против гражданского и даже кросс-институциональные сравнения, как демократия против рынков.

***

Как и их неоклассические собратья, агенты австрийской школы сталкиваются с недостаточной информацией и поэтому совершают инструментальный выбор. Тем не менее, в отличие от традиционной теории рационального выбора, «австрийский» агент должен сконструировать в своем сознании (вообразить) набор возможностей, из которых он выбирает. Я отождествляю это условие игнорирования (или незаданности) набора возможностей с концепцией неопределенности Франка Кнайта (Frank Knight, 1921). Хотя Кнайт и не входил в австрийскую школу, в разгаре дебатов с рыночными социалистами Хайек ввел неопределенность, как важный элемент для понимания того, как его оппоненты искажают понятие равновесия (Hayek, 1937). Неопределенность, сопровождающая индивидуального агента, является микроэкономической основой макроэкономической проблемы знания, поставленной Хайеком.

Прагматические внешние условия	Экономическая антропология	Социальная дилемма	Институциональная функция
Редкость	Выбор	Размещение	Регулирование поощрением
Неопределенность	Воображение	Координация	Генерация знания

Simeon Djankov, Edward Glaeser, Rafael La Porta, Florencio Lopez-de-Silanes, Andrei Shleifer. [The New Comparative Economics](#). Djankov, Simeon, Edward Glaeser, Rafael La Porta, Florencio Lopez-de-Silanes, and Andrei Shleifer. 2003. The new comparative economics. Journal of Comparative Economics, 31(4): 595-619.

Обычное поле компаративной экономики – сравнение социализма и капитализма. При социализме, основной механизм распределения ресурсов – централизованное планирование. При капитализме это рынок. Традиционная компаративная экономика восходит, по меньшей мере, к временам дискуссий о рыночном социализме 1930-х годов, в которых исследовалось, при каких условиях план или рынок дадут наибольшую эффективность.

Ко времени падения социализма в Восточной Европе и Советском Союзе, эти дискуссии потеряли большую часть своей остроты. Социализм производил нищету и неэффективность, не говоря уж о массовых убийствах, совершенных несколькими коммунистическими диктаторами. Капитализм, в противоположность этому, обычно создавал рост и благосостояние. Если капитализм победил, умерла ли компаративная экономика?

Как показывает эта статья, и другие, представленные на симпозиуме, традиционная компаративная экономика перемещается на новое поле. Это новое поле разделяет старую идею о том, что, сравнивая альтернативные экономические системы, мы можем лучше понять, благодаря чему каждая из них работает.

Ключевую роль играет сравнение капиталистических систем, преобладающих в разных странах. Каждая капиталистическая экономика включает множество общественных и частных институтов. Функцией этих институтов является выбор политических лидеров, охрана прав собственности, распределение благ, разрешение споров, управление фирмами, размещение кредитов и так далее. Политическая экономия за последние два столетия, подкрепленная эмпирическими исследованиями, показала, что эти институты радикально и систематически различаются в разных странах. Эти различия и их значение для экономических показателей и являются предметом новой компаративной экономики.

Обзор 2

Marcos Lima, Marcelo Resende. [Banking and regional inequality in Brazil: an empirical note](#). Brazilian Journal of political Economy, vol. 28, n° 4 (112), pp. 669-677, October-December/2008.

Обращают внимание на то, что в больших развивающихся странах, таких, как Бразилия, неравенство регионов в значительной степени обусловлено тем, как карта денежных потоков в стране накладывается на карту регионов. В Бразилии банки имеют систему филиалов по всей стране, из-за чего возможно, что депозиты в данном штате только частично соответствуют кредитным операциям в данном штате.

В статье предлагается композитный индикатор региональной дифференциации, основанный на анализе финансовых потоков. Использовались банковские данные по объемам кредитов и депозитов, с учетом потребности (demand), времени, накоплений, и межбанковских депозитов.

Рассчитанные индексы показали существенную дифференциацию штатов. Одни являются импортерами капитала, другие – экспортерами. Анализ показал определенную разницу между общественными (public) и частными банками. Именно частные банки создают переток денег из штат в штат. Имеется также определенная временная зависимость усредненного по стране индекса.

Kristina Bernotaite. [The Implementational Analysis of EU Structural Funds: Case Studies of Cohesion Countries](#) // ISSN 1648-2603 • Viesoji politika ir administravimas • 2006. Nr. 15/ p/ 108 – 118.

Проведено компаративное исследование влияния Европейского Структурного Фонда на неравенство в Греции, Испании и Португалии.

«Перед вступлением в ЕС в 1973 г. Ирландия была самым бедным из девяти членов ЕС. Покупательная способность на душу населения составляла 56% от средней по Союзу. ... В последнее время, как установлено широким межстрановым исследованием, Ирландия является «самой глобализированной экономикой в мире» (Barry, 2004). ... Средний доход вырос до среднего по ЕС».

«Многие считают Структурный Фонд основной причиной отмеченного роста, поскольку Ирландия была важным нетто-получателем фондов ЕС. ... Со времени вступления в ЕС в 1973 по 2003 Ирландия получила 17 миллиардов евро. Общие вложения за два плановых периода 1989-1999 г. составили 30 млрд. евро, вместе с помощью, составляющей 11 миллиардов». Однако сравнение относительных затрат фондов на помощь Ирландии, Греции, Испании и Португалии показывает, что Ирландия получала меньшую помощь относительно своего ВВП, чем Греция и Португалия, хотя и большую, чем Испания. Но результат этой помощи был разный.

«Ирландия, Греция, Испания и Португалия вместе называются «странами Европейской сплоченности» (EU Cohesion) из-за их относительно низкого душевого дохода».

«Авторы делают следующие выводы. Признание следующих хорошо установленных принципов: многолетнего планирования, партнерства, субсидиарности и дополнительности, может содействовать снижению региональной дифференциации, определяющей внимание к принципам регулирования Фондов. Таким образом, было показано, что региональная политика ЕС связана с предшествующей дискуссией между действующими лицами на уровне Союза, национальных и суб-национальных институтов,

определяющих политику Сплоченности (Cohesion) в одном из финансово наиболее важных секторов.

Определение национальных мер, которые ведут к экономическому росту на периферии в большинстве случаев, предполагает, что Структурные фонды ЕС поддерживают создание новых регионов весьма различного размера, и структурные настройки формируются в различных природных, исторических, культурных и экономических разделах, часто пересекая административные и даже национальные границы».

Важными принципами называются: сильная региональная идентичность (чувство приверженности), хорошо сконструированные структуры соучастия в реализации, усиление социального капитала региона, усиление межсекторальной политики интеграции, повышение участия региональной администрации в распределении фондов, поступающих в регион.

Stanley Fisher and Ratna Sahay. [The Transition Economies After Ten Years](#). IMF Working Paper WP/00/30 International Money Fund, 2000. – 45 p.

Исследована эффективность экономик Центральной и Восточной Европы и бывшего Советского Союза в десятилетний переходный период, со времени начала польской программы экономических реформ. Были исследованы 25 экономик. Трансформация экономик этих стран шла очень сильно различающимися путями.

Экономический спад происходил в начальный период во всех странах. Но в наиболее успешных заметный рост начался уже в середине 1990-х годов.

Тем не менее, контраст между более и менее успешными преобразованиями, происходившими в бывшем СССР, создает множество вопросов о деталях стратегии преобразований и политических факторах, определяющих выбор экономической политики. /стр. 3/

Отмечается, что в начальный период перемен возникло много новых независимых предприятий, которые не были включены в статистику, что создает определенные сложности в оценке общего экономического продукта.

Мы разделили все страны на три категории: Центральная и Восточная Европа (ЦВЕ), Балтийские страны и остальные страны бывшего Советского союза. (ОССС).

К «поздним реформаторам» в Центральной и Восточной Европе (ЦВЕ) (Central and Eastern European countries – СЕЕ) относятся Албания, Болгария, Македония и Румыния.

Экономический спад в странах ЦВЭ был 28 процентов, в Балтийских – 43 процента и в странах ОССС 54 процента. Дно падения было достигнуто в 1992 г. в странах ЦВЕ, в 1994 году в Балтийских и в 1995 г. в странах ОССС.

По отношению к 1989 году только несколько стран достигли этого экономического уровня к 1998 году. Это Польша, Словакия и Словения.

Инфляция к 1998 году снизилась до величин с одним знаком почти во всех странах, причем страны ЦВЕ имели в среднем более низкую инфляцию, чем страны ОССС. Освобождение цен вело к инфляции, раскручивая инфляционную спираль. Рост цен на товары вызывал запрос на коррекцию заработной платы, что вызывало дальнейший рост цен и долларизацию экономики.

Отмечается, что инфляция резко снизилась во всех странах после введения валютного коридора или *currency board*.

Большой дефицит бюджета наблюдался в странах ОССС (свыше 15%), в странах Балтии и ЦВЕ дефицит был 5% и менее.

(стр. 6-8)

«Оглядываясь назад, мы поражены тем фактом, что список [реформ] включал элементы, которые, как теперь представляется, были пересмотрены в самом начале, например, реформы законодательства. Продолжительность времени, которое намечалось для институциональных реформ и реструктуризации крупных предприятий, также весьма примечательно. Наконец, заметьте, что график на рис. 6 предполагает более плавную реформу рынка (*trade*), чем имела место в действительности.

Несколько пунктов противоречий возникли в рамках общей стратегии, в частности, в так называемой «шоковой терапии» и в последовательности реформ. Быстрые политические действия были возможны только в некоторых областях – либерализации цен и торговли, стабилизации инфляции и, вероятно, в приватизации малых предприятий – но в других, очевидно, реформы должны занимать длительное время. Разногласия по поводу шоковой терапии относятся, главным образом, к макроэкономической стабилизации и скорости либерализации торговли, по ряду причин, по поводу темпов освобождения цен имеется меньше разногласий. По поводу последовательности, есть аргументы о том, что ряд реформ должен предшествовать другим – например, приватизация потерпит крах, если раньше не будут произведена реформа системы законов и финансовой системы, или дерегулирование цен нельзя производить раньше достижения макроэкономической стабилизации.

Дебаты по поводу шоковой терапии и последовательности реформ тесно связаны. Ясно, что некоторые последовательности реформ, зафиксированные на рис. 6, лучше

всего происходили бы в идеальном мире, в котором известны *ex ante* (до входа) что реформы точно будут произведены, чем попытка двигаться по всем фронтам одновременно. Но это не значит, что экономика оптимальных темпов реформ уже хорошо установлена, например, по либерализации цен или торговли, или в установлении правильной последовательности приватизации и развития финансовой системы» (стр. 11)

Бальцеревич отметил, что после падения старой системы существует период, в котором консенсус о необходимости реформ наиболее сильный, чем до или после, что создает окно времени, которое следует использовать для движения. Полит-экономические аргументы играли важнейшую роль в проведении реформ в России, как по вопросу освобождения цен, так и по приватизации. (с. 12).

Обсуждается роль внешней финансовой и технической (консультации) помощи в проведении реформ. Очевидно, что при преобразовании больших стран помощь не может быть очень большой на душу населения.

Но финансовая помощь странам Восточной Европы и бывшего СССР за период реформ, оцененная по уровню на душу населения, была на уровне помощи странам Латинской Америки и значительно больше, чем другим развивающимся странам. При этом отмечается, что помощь странам ЦВЕ и Балтии была намного больше (в 2-3 раза), чем странам ОССС.

В то же время, суммарный поток капитала в Россию был отрицательный за период 1992-1997 года.

Рис. 7. Потоки капитала в трансформирующихся экономиках.

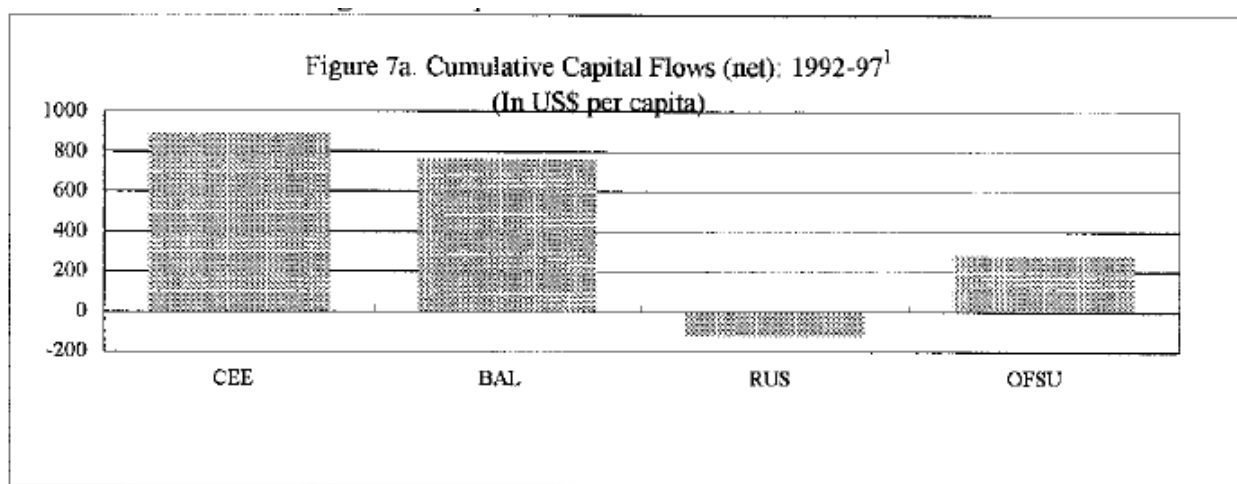
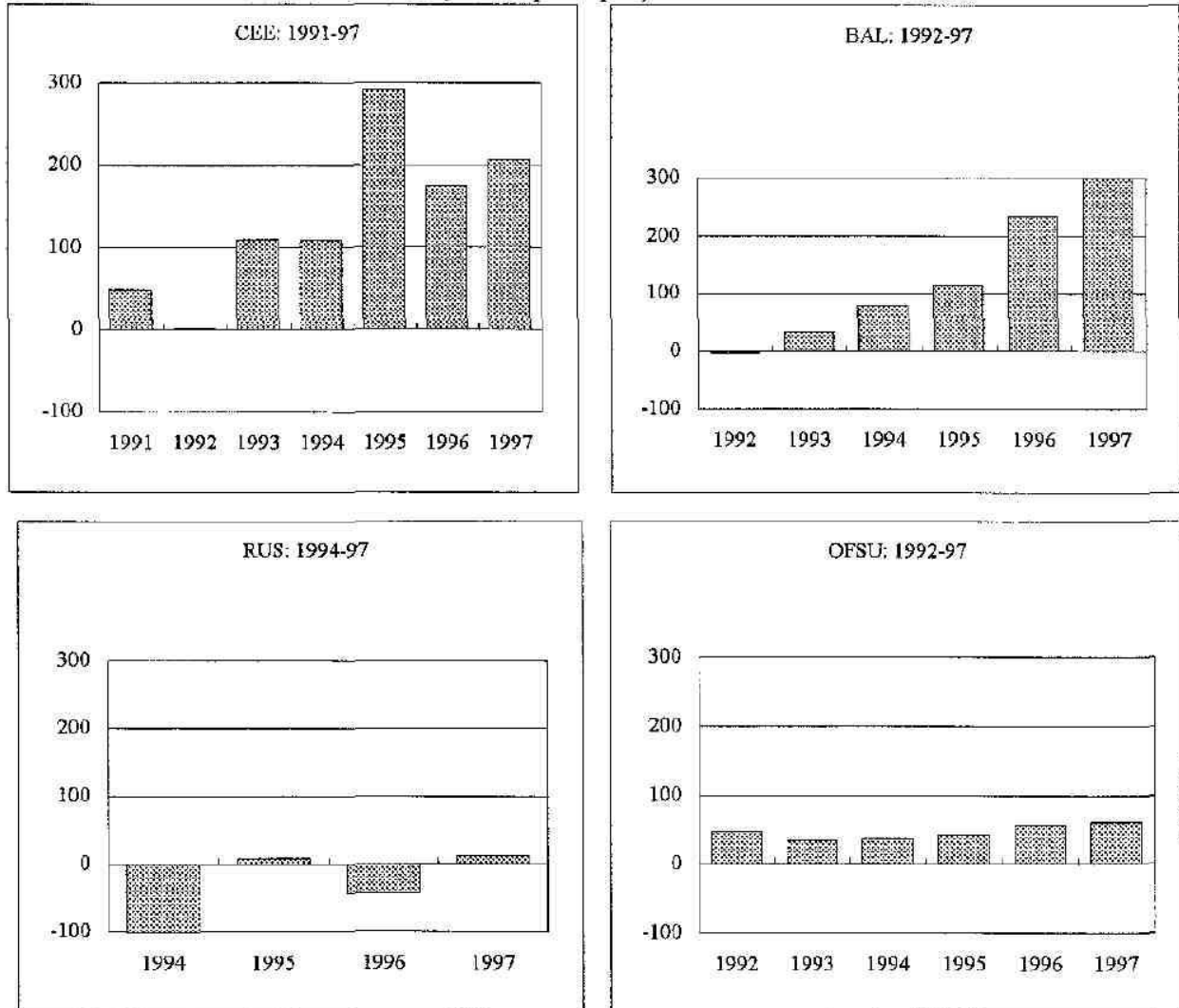

Figure 7b. Annual Capital Flows (net)
(In US\$ per capita)

«Для измерения глубины структурных реформ, мы опирались на информацию ЕБРР и вычисляли индексы по De Melo, Denzier и Gelb. (De Melo, Martha, Denzier, Cevdet, и Gelb, Alan. From Plan to Market: Patterns of Transition. World Bank Economic Review, V. 10, Washington: The World Bank)» (стр. 14)

Результаты показаны на Рис. 9.

Во всех случаях наибольший спад имеет место в первый год после начала реформ. Восстановление начинается спустя два года после стабилизации. Большинство работ, исследовавших переходные процессы, показывает, что наиболее быстрое восстановление происходит там, где макроэкономическая стабилизация была достигнута быстро и были более глубокие структурные реформы. (стр. 15)

(может быть, и то, и другое происходило там, где элита бралась за реформы всерьез и честно)

Рис. 9

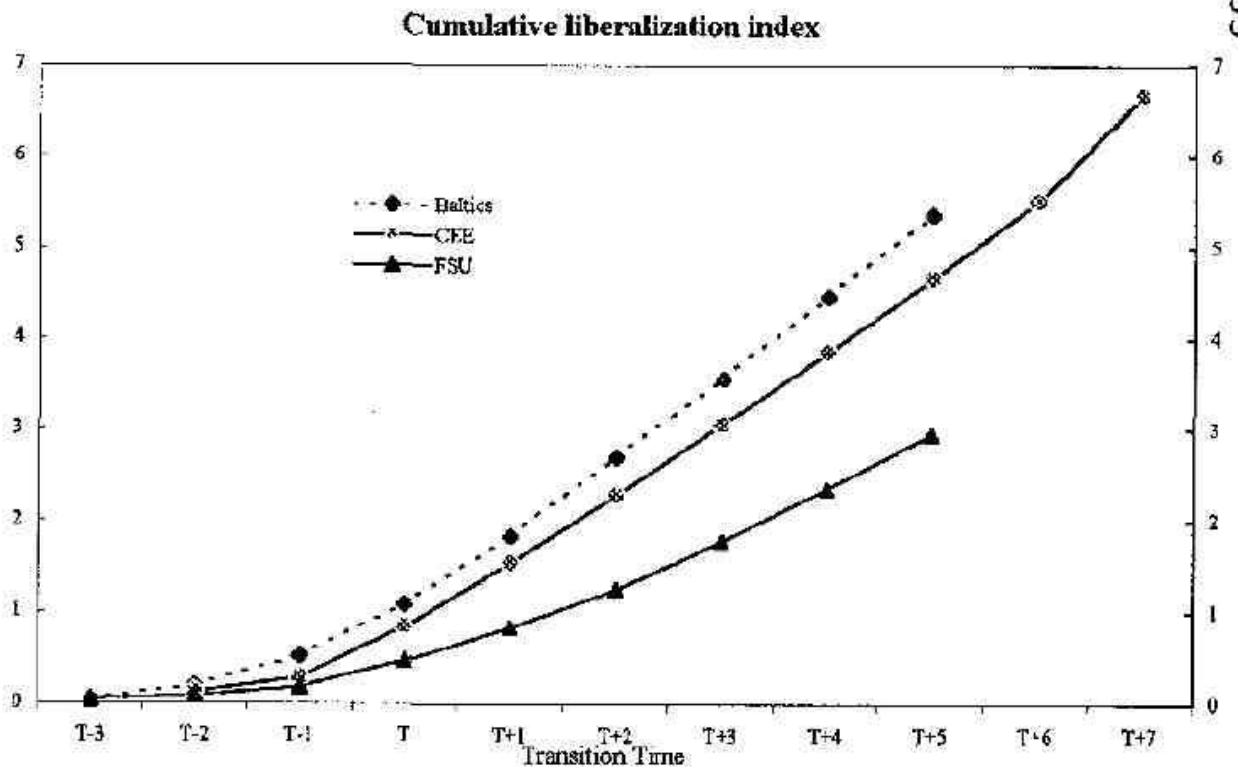
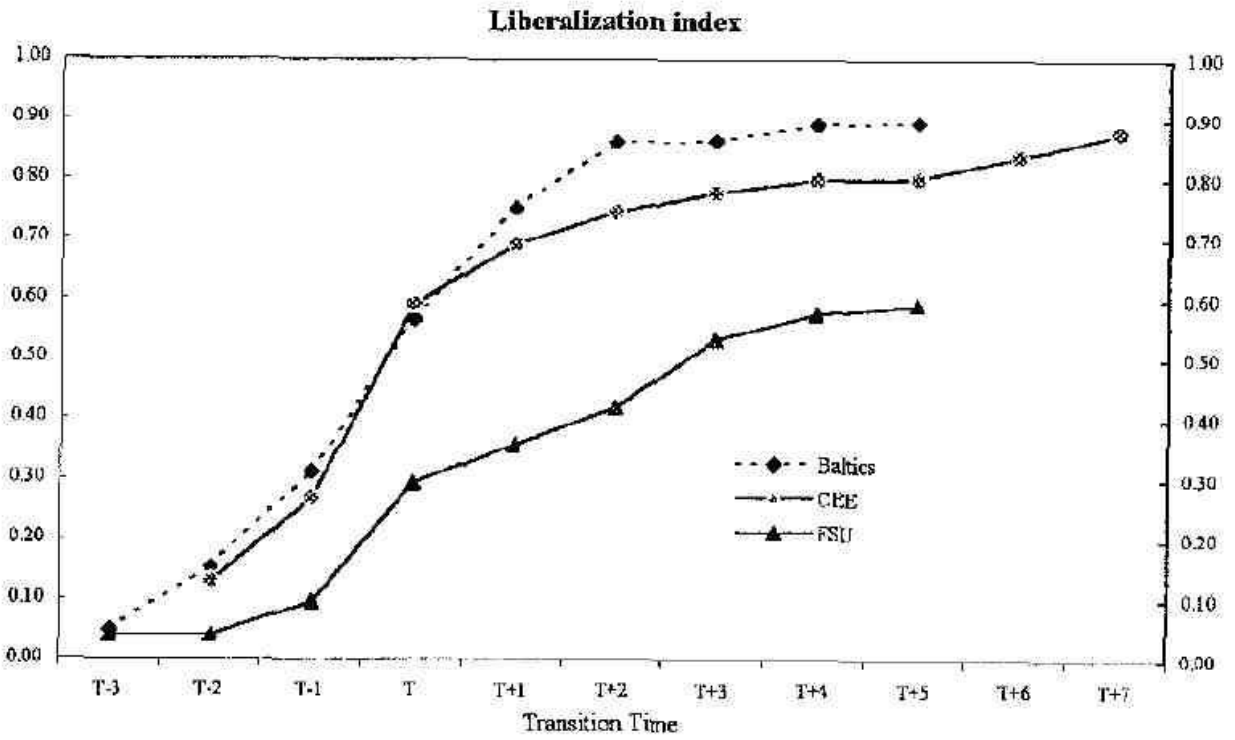
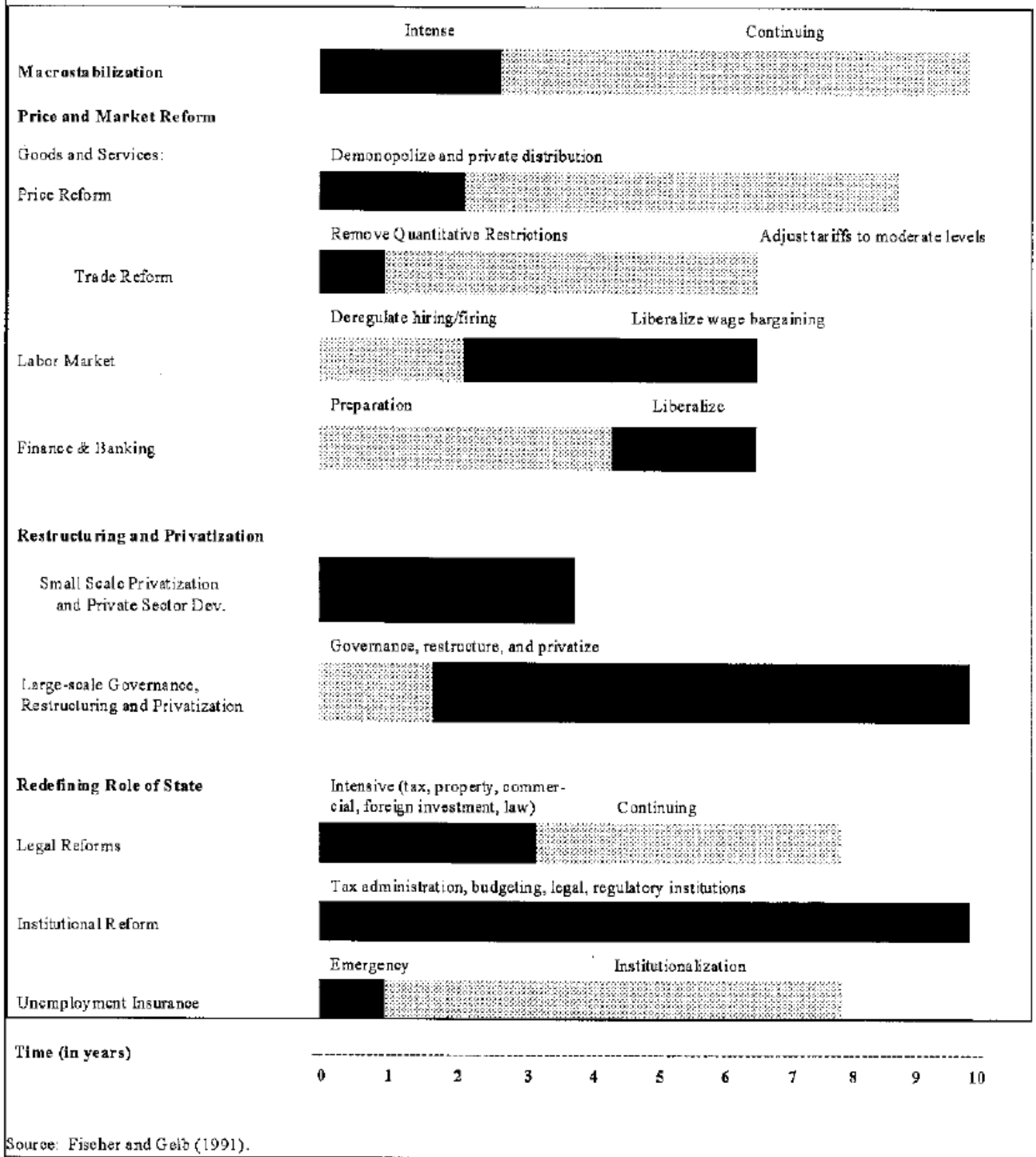

Figure 6. Phasing of Reform

Далее, на основании работы Berg, Andrew, Borensztein, Eduardo, Sahay, Ratna and Zettelmeyer, Jeronim. *The Evolution of Output in Transition Economies // IMF Working Paper, 99/73, Washington: International Monetary Fund (1999)* (далее – BBSZ) утверждается, что глубина падения в первые годы в большей степени определяется неблагоприятными начальными условиями и медленным проведением реформ, чем макроэкономическими дисбалансами. На скорость восстановления наибольшее влияние оказывает глубина структурных преобразований экономики, и в некоторой степени, жесткая макроэкономическая политика. Они также утверждают, что, чем быстрее проводятся реформы, тем более интенсивно идет восстановление. (стр. 15)

Отмечается, что поведение двух стран – Узбекистана и Белоруссии – не укладывается в стандартную парадигму трансформации. Обе страны показали относительно небольшой спад в начальные годы и раннее восстановление, которое произошло в 1995 году, невзирая на то, что процесс реформирования протекал медленно. (стр. 16).

Восстановление авторы объясняют ростом экспорта хлопка и энергетической независимостью в случае Узбекистана, и сильными экономическими связями России и Белоруссии в случае с Белоруссией. В обоих странах имело место сильное государственное регулирование. *(и сильный лидер)* (стр. 18)

Есть две стратегии приватизации – массовая (с помощью ваучеров или продажи – Россия, Чехословакия) и медленная, когда идет избирательный процесс продажи, сопровождаемый переговорами и консультациями (Узбекистан, Румыния). Причем более медленный и индивидуальный (по отношению к предприятиям) подход оказывается более продуктивным. (стр. 19)

Российская трансформация признается также уникальной. Хотя реформы проводились быстро и стабилизация была достигнута в 1995 году, восстановление идет медленно. Авторы объясняют это недостаточными структурными преобразованиями и незавершенностью институциональных преобразований, коррупцией, ведущим к утечке капиталов. (стр. 21)

Vladimir Popov. [Lessons from the Transition Economies](#). United Nations University, Research Paper No. 2009/15.

Fig. 1. GDP in 2006 as a % of 1989

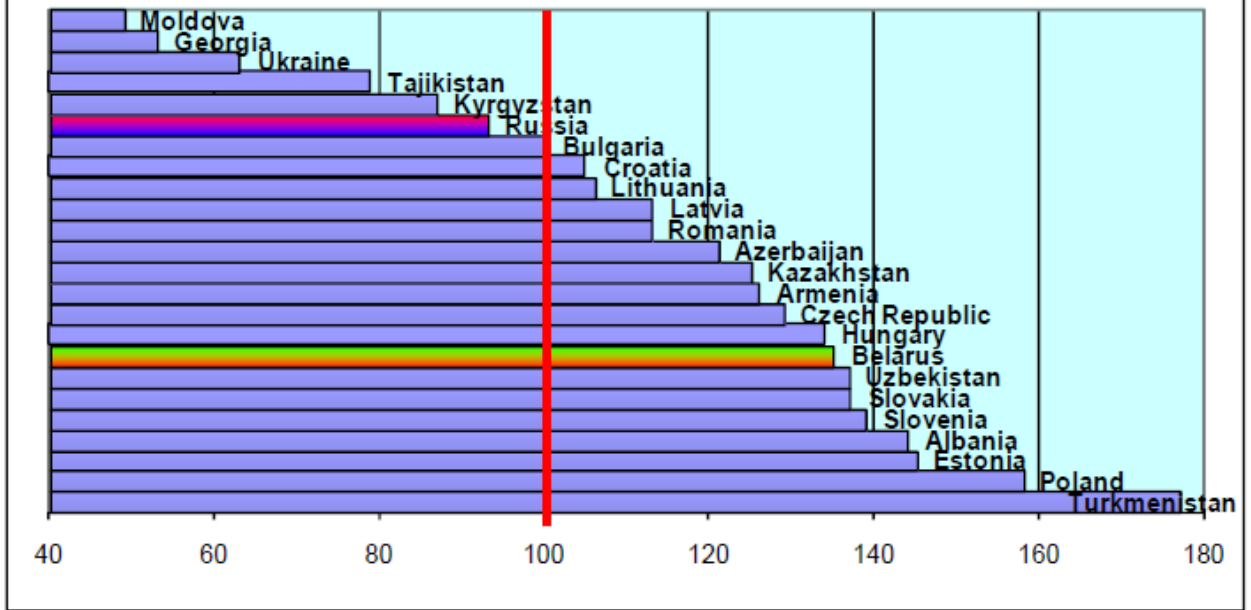
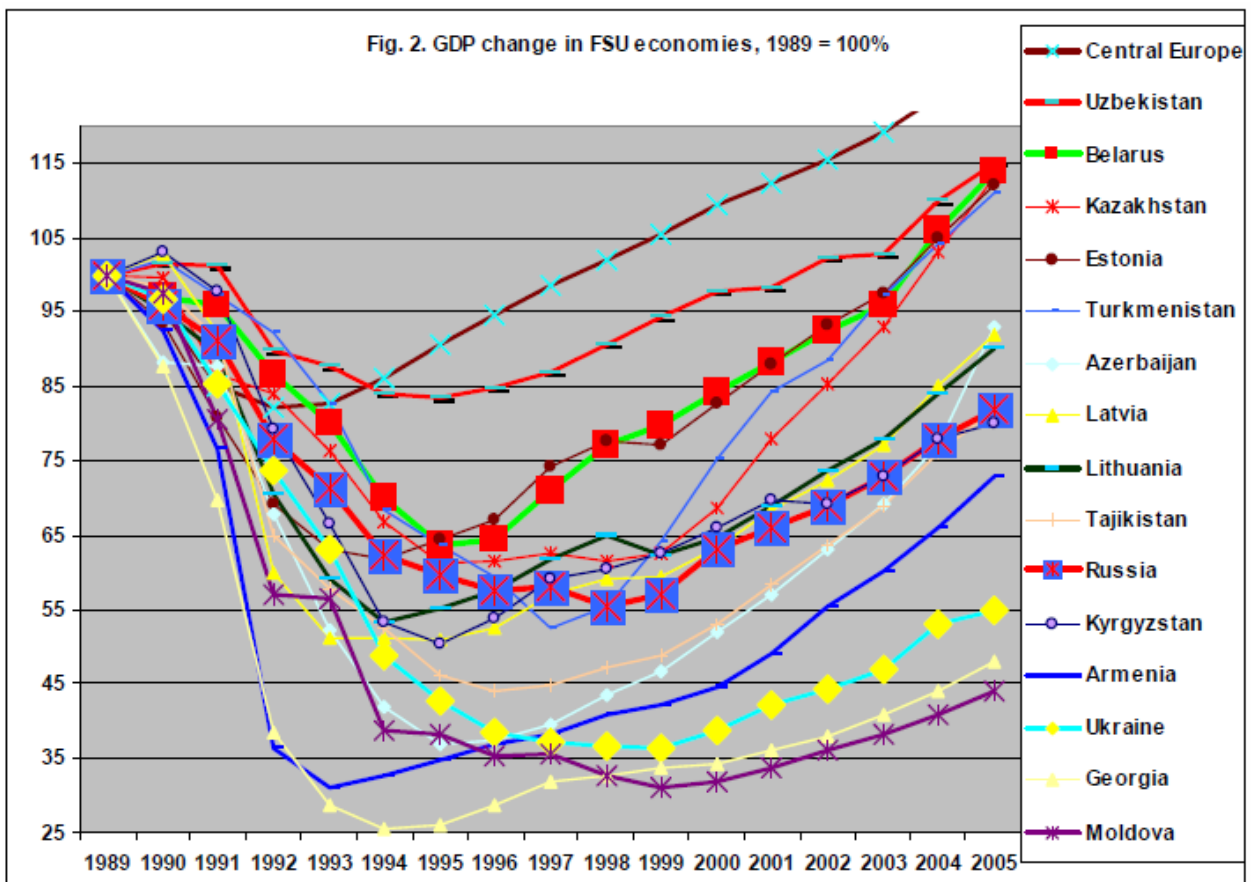

Fig. 2. GDP change in FSU economies, 1989 = 100%

RABALLAND, GAEL **Determinants of the Negative Impact of Being Landlocked on Trade: An Empirical Investigation Through the Central Asian Case** // Comparative Economic Studies, 2003, 45, (520–536).

В статье рассмотрено влияние изолированности стран на торговлю, основанное на панельной базе данных с применением гравитационного подхода. На первом этапе исследовались экономики стран Центральной Азии, показано, что изолированность проявляется в высоких транспортных расходах. На втором этапе влияние изолированности рассматривалось с использованием четырех факторов изолированности: одной фиктивной переменной, во-вторых, кратчайшего расстояния от изолированной страны до ближайшего крупного порта, в-третьих, количества границ с прибрежными странами, и в-четвертых, количества границ, до побережья, которые требуется пересечь.

На основе 10000 наблюдений по 46 странам на протяжении 5 лет, мы показываем, что изолированность снижает торговлю на 80%, если использовать измерение с фиктивной переменной. Используя эконометрический подход Ченга и Волла, мы находим, что четыре параметра измерений подтверждаются эмпирически. Наконец, исследование показывает, что количество пересечений границ, которая определяет нагрузку от транспортных издержек, способно объяснить большую часть стоимости сухопутного транспорта в сравнении с морским.

Jefferson, Gary H. [How Has China's Economic Emergence Contributed to the Field of Economics?](#) // Comparative Economic Studies, 2008, 50, (167–209)

Аннотация

Китайская экономическая трансформация показывает, что пути перехода и развития шире и более изменчивы, чем предсказывалось общепризнанными экономическими исследованиями, относящимися к другим странам. Исследования, сконцентрированные на китайском опыте, расширяют горизонты знания и значительно обогащают экономическую литературу. Китайские источники освещают и делают более жизненными открытия и парадигмы, включая работы, принадлежащие нобелевским лауреатам и относящимся к институтам и развитию. Более того, Китай вызывает новые прозрения относительно центральной роли институтов. Эта статья сосредотачивается на обзоре литературы, расширяющей наши знания о процессе индуцированных институциональных изменений.

Бурный рост экономики Китая, который к середине XXI века может вернуть себе место крупнейшей экономики мира, которая уже была у него в 1820 году, изменил многие представления экономистов во всем мире. При измерении ВВП по паритету покупательной способности Китай может превзойти США в пределах 10 лет.

«Большая часть литературы о Китае посвящена решению трудной головоломки: как Китай умудряется чувствовать себя так хорошо с институтами и политикой, настолько отличающимися от предписываемых ортодоксальной экономической теорией? Экономический рост Китая делает вклад в экономическую теорию, просто внося эту загадку в поле рассмотрения и заставляя ученых-экономистов искать объяснение принципиальному расхождению между теоретическими предсказаниями и наблюдаемым ростом» (с. 168)

«Статья фокусирует внимание на работах тех нобелевских лауреатов по экономике, открытия и умозаключения которых становятся намного более жизненными, когда рассматриваются через линзу китайского экономического опыта. Эти открытия включают (но не ограничиваются) работами Солоу по росту, Льюиса, Кузнецца и Сены по развитию и Буханана, Коуза и Норта по институциональной экономике» (с. 168-169).

«Ответ на загадку китайской особенности состоит во взгляде на экономическую трансформацию, как на последовательности взаимосвязанных процессов, скорее, чем на коллекцию событий, то есть, на процесс перехода прав собственности, процесса становления рыночной экономики, процессов трансферта технологий и инноваций, и процессов обучения и адаптации ментальных моделей к новой экономической реальности» (с. 169).